

Обзор практики ЕСПЧ за 2014 год

Дмитрий Дедов

Наиболее типичные дела против России

Начну с обзора наиболее типичных дел против России. В их числе неизменно остаются дела об исчезновениях в Чечне и соседних республиках в годы второй чеченской войны; об экстрадиции в Узбекистан в связи с обвинением в участии в экстремистских религиозных организациях, об экстрадиции в Киргизию узбеков, обвиняемых в массовых беспорядках на юге страны в 2010 году; законность задержания, ареста и их последующее продление; избиения и пытки, применяемые к задержанным в отделениях полиции; плохие условия содержания в СИЗО и колониях. Такие жалобы, как правило, исчисляются сотнями.

Примеров чеченских дел достаточно много (*Kharayeva and others v. Russia*, *Dzhabrailov and others v. Russia*, *Mikiyeva and others v. Russia*, *Pitsayeva and others v. Russia*), их рассмотрено около пятидесяти в 2014 году.

В этих делах происходило задержание молодых мужчин обычно дома в ходе проведения специальных операций российскими вооруженными силами (таких случаях Суд находит нарушение существенного аспекта статьи 2 Конвенции в связи с прямым или косвенным вовлечением агентов государства), иногда захват происходит на улице неизвестными вооруженными лицами в камуфляже, и если вовлечение агентов государства установить невозможно, Суд переходит к рассмотрению процессуального аспекта статьи 2, касающегося эффективного расследования. Во всех делах родственники обращались в правоохранительные органы с требованием о возбуждении уголовных дел немедленно после захвата. Уголовные дела длятся в среднем по восемь лет с неоднократным прекращением и новым возбуждением уголовного дела, что приводит к невозможности идентификации представителей власти или иных лиц, участвовавших в захвате и к утрате возможности сбора другой важной информации, необходимой для успешного расследования. Заявители активно интересуются расследованием, жалуются на прекращение производства по делу, что дает им возможность даже по прошествии 6-9 лет иметь право обратиться в ЕСПЧ, если с момента последнего следственного действия не прошло положенных по Конвенции шести месяцев. Эта практика соответствует общей позиции Суда по делам о военных преступлениях, в частности, по военным преступлениям в ходе войны в Хорватии (там заявители часто не

обращались или не интересовались ходом расследования в течение многих лет), или применительно к трагическим событиям в Румынии, которые привели к жертвам в ходе анти-правительственных демонстраций в 1989 году, однако проведение расследования даже формального и активное участие заявителей позволило Суду признать жалобы приемлемыми много лет спустя и даже в отношении событий, произошедших до присоединения Румынии к Конвенции (дело Большой Палаты *Mocanu and others v Romania*). Применительно к чеченским делам Суд приходит к выводу о том, что захваченных родственников заявителей уже нет в живых в связи с тем, что их местонахождение неизвестно, поэтому приходит к выводу о применимости статьи 2 Конвенции о праве на жизнь. Судьи также понимают, что проблема неэффективного расследования вызвана отсутствием специального независимого органа высокого уровня, который бы занимался именно этими делами и который до сих пор не создан. Правительство часто указывает на имеющиеся основания полагать, что задержанные лица принимали участие в незаконных вооруженных формированиях, но это, к сожалению, только усугубляет картину, так как такие лица лишены права на суд, а внесудебная расправа недопустима с точки зрения верховенства права.

Дела об экстрадиции (*Mamazhonov, Ismailov, Rakhimov, Saliyev, Ergashev, Mamadaliyev, Dzhurayev*) характеризуются также своими особенностями. Начнем с того, что в соответствии с отчетами международных организаций, включая ООН, в отношении таких лиц применяются пытки с целью получения признания в совершении преступлений, они подвергаются избиениям и негуманному обращению в ходе следствия. В год осуждаются десятки человек за попытку насильственного свержения конституционного строя, призывы к созданию исламского государства и образование единого "Халифата". Они приговариваются к длительным срокам лишения свободы, превышающим 20 и даже 25 лет. Хотя угрозы со стороны радикальных исламистов реальны и весьма серьезны для всего современного мира, тем не менее, угроза пыток и негуманного отношения не оставляет иного выбора для Суда как признание нарушения статьи 3 Конвенции в случае экстрадиции тех, лиц которые перебрались в Россию с семьей и нашли здесь работу. Эти дела демонстрируют знание ситуации российской прокуратуры, которая прекращает дела об экстрадиции и освобождает таких лиц из-под ареста и полным игнорированием данных обстоятельств судами и полицией. Сразу после прекращения процедуры экстрадиции, заявители снова задерживаются в связи с незаконным нахождением на территории России, нарушением иммиграционных

правил, суды игнорируют материалы международных организаций и доводы заявителей о нарушении статьи 3 в случае обычной высылки за пределы России. Аресты с целью высылки продолжаются по полтора года без возможности пересмотра решений об аресте с целью высылки, что указывает на отсутствие соответствующих гарантий защиты права на свободу в статье 110 УПК РФ и КоАП. Миграционная служба и суды также отказывают в получении убежища, указывая на то, что лицо не обращалось с таким заявлением сразу после прибытия в Россию. На этом беды таких мигрантов не заканчиваются. Было несколько исчезновений таких лиц после освобождения в связи с истечением предельного срока содержания под стражей, после чего они оказывались на территории Узбекистана или Таджикистана, признаваясь публично в совершении преступлений, заявляя о добровольной явке с повинной или исчезая бесследно. После этого адвокаты даже заставляли своих клиентов написать специальное заявление о том, что они не собираются покидать территорию России, но и это не помогает. Были случаи, когда родственники и адвокаты не успевали забрать заявителей из-под стражи, так как они освобождались рано утром за час до прихода родных и потом исчезали. И эти исчезновения происходили, несмотря на обеспечительные меры Суда, устанавливающие обязанность государства принять меры по защите от негуманного обращения против таких лиц.

При оценке законности арестов происходят позитивные изменения, которые показывают улучшение знания и навыков судей при применении и продлении ареста. Если раньше судьи ограничивались общими ссылками на серьезность предъявленных обвинений и возможность препятствовать проведению следствия, то в некоторых случаях (*Zimin, Sigarev*) суды приводят конкретные фактические обстоятельства (оставление места жительства и объявление в розыск, оказание давления на свидетелей с конкретными целями).

И все же не всегда, как мне кажется, Суд последователен в своей позиции об основаниях для ареста, что я отметил в особом мнении по делу *Krikunov v Russia*. Первоначально заявитель был осужден за грабеж и приговорен к лишению свободы условно. После этого он был обвинен в совершении такого же преступления, которое произошло в течение года после первого приговора. Кроме этого факта национальный суд указал на то, что заявитель страдает алкоголизмом, не имеет работы, что еще более усиливает риск повторного совершения преступления и что является основанием для ареста. Однако ЕСПЧ формально подошел к вопросу и

согласился с российским судом в отношении первых четырех месяцев, когда шло следствие, но посчитал, что это основание требует нового подтверждения в отношении последующих четырех месяцев, когда длилось судебное разбирательство. Суд как будто не обратил внимание на старое дело 1968 года *Wemhoff v. Germany*, где Суд указал на обязанность не только властей обосновать арест, но и самого заявителя представить новые обстоятельства, свидетельствующие об отмене оснований для ареста. В данном деле лишь обстоятельство, связанное с отсутствием вообще какого-либо обоснования в определении суда при продлении ареста на время судебных слушаний, позволило ЕСПЧ найти нарушение статьи 5.3 Конвенции. Из этого довольно досадного события надо извлечь урок - право на свободу является настолько важным, что каждый раз продление ареста должно быть обосновано. Арест не может быть автоматически или объективно обусловлен судебным процессом, алкоголизмом или нежеланием найти работу. Эти субъективные факторы напрямую относятся к уважению достоинства личности, которое заслуживает каждый.

Полномочия прокурора давно отменены законом, но такие дела еще встречаются. В деле *Shcherbina v Russia* сам национальный суд признал незаконным решение об аресте, принятое прокурором, что было принято во внимание Судом. В деле *Biryuchenko v Russia* решение прокурора города Санкт-Петербурга в 2002 году об аресте и продлении ареста не было отменено, что привело к нарушению статьи 5.1 Конвенции. Но это довольно старая тема, к которой не может быть возврата

Есть один новый аспект в данной категории дел, который касается содержания под стражей на время ознакомления с материалами уголовного дела (*Yuriy Rudakov v Russia*). Суд отметил многочисленную практику Конституционного Суда РФ по этому вопросу, где КС указал на недопустимость продления ареста для этих целей без указания оснований, установленных законом, на период, превышающий предельно допустимый. Такая же практика Верховного Суда РФ приведена в постановлении ЕСПЧ. Учитывая, что такое основание не указано в Конвенции, Суд применил свои общие принципы и нашел нарушение не только в силу требований Конвенции, но и требований российского законодательства о максимально допустимом сроке (статья 109 УПК РФ). Однако при всей очевидности нарушения в этом деле остается напомнить об одном главном противоречии в подходах: с точки зрения Конвенции содержание под стражей исключительно для целей ознакомления с

материалами дела не допустимо, должны существовать конкретные обстоятельства, в силу которых арест не может быть снят на момент окончания следствия. Поэтому само по себе следствие, само по себе ознакомление с делом, сам по себе процесс не являются основанием для содержания под стражей. В данном деле в связи с огромным массивом материалов арест был продлен до окончания ознакомления с делом, то есть на неограниченный период времени, что поставило заявителя в ситуацию правовой неопределенности в нарушение базовых принципов.

Новые проблемы

Здесь я хотел бы рассказать о новых проблемах, которые становятся довольно типичными или даже системными проблемами, которые должны вызывать беспокойство российских властей. Наиболее значимой является проблема взаимоотношений власти и оппозиции, а точнее действий властей против лидеров оппозиции, связанных с арестами при проведении митингов и демонстраций (*Kasparov v Russia, Nemtsov v Russia, Navalnyy and Yashin v Russia*). В этих делах есть много общего, хотя есть и одно различие. Если задержание Каспарова проведено в связи с незаконным шествием (марш несогласных), то Немцова и других задержали за неповиновение требованиям представителей власти. Это своеобразное развитие на деле обернулось возможностью применить более строгое наказание, что было продиктовано (прямо или косвенно) практикой Суда в части применения статьи 10 Конвенции. Позиция Суда заключается в том, что даже митинг не был согласован с властями, право на выражение своего мнения не должно быть ограничено без оснований, связанных с защитой публичного порядка. По российскому закону административная ответственность наступает за сам факт проведения или участия в несанкционированном митинге, что существенно отличается от требований верховенства права и организации демократического общества. Обычное неповиновение требованию представителя власти как будто бы ближе к ограничениям, указанным в статье 10 Конвенции, но защита права требует выяснения, в чем заключались эти требования и были ли они связаны с устранением нарушения общественного порядка. Последний вопрос подлежит выяснению в суде в ходе рассмотрения дела о привлечении к административной ответственности. Однако судьи основывали свои решения на показаниях полицейских и отказали в привлечении свидетелей со стороны оппозиционеров к участию в деле и в приобщении иных доказательств, включая видеозаписи.

ЕСПЧ рассмотрел вопрос о применимости требований справедливого судебного разбирательства по статье 6 Конвенции к административному процессу. Это необходимо, поскольку статья 6 формально относится к уголовному и гражданскому процессу, хотя, на мой взгляд, принципы справедливого разбирательства универсальны без дополнительных оговорок, за исключением более строгого подхода к доказательствам при применении уголовного наказания как наиболее суровой меры. Однако административные меры наказания часто не уступают уголовным, и Суд, применив критерии Энгеля (*Engel criteria*), то есть, оценив тяжесть наказания (административный арест) или предварительных мер в виде задержания, природу административного наказания и общественную значимость, пришел к выводу о применении стандартов статьи 6, включая все процессуальные права. Напомню, что с точки зрения российского процессуального права, право на представление доводов и доказательств является неотъемлемым правом стороны процесса. Однако когда дело дошло до лидеров оппозиции, российские судьи напрочь об этом забыли. А также забыли о том, что все положительные примеры работы их коллег тут же забылись, поскольку этих отдельных, но очень чувствительных примеров достаточно, чтобы убедиться в отсутствии верховенства права и независимости суда.

На этом тема митингов не заканчивается. Есть менее известные, но не менее интересные примеры. В деле *Nosov* власти разрешили митингующим разбить лагерь на площади перед зданием администрации, который просуществовал несколько недель без всякого вмешательства со стороны полиции. Причина ясна: митинговали бывшие военнослужащие, которые требовали выплаты причитающегося им вознаграждения, и их требования были, в конце концов, выполнены. Очевидно, что к военнослужащим в отличие от оппозиции, выдвигающим требования социального, а не политического характера, власти значительно более толерантны. Это не могло не привести к признанию отсутствия нарушения статьи 10 Конвенции. Впоследствии специальная коллегия судей ЕСПЧ отказала в передаче дела на рассмотрение Большой Палаты.

Более драматично развивались события в деле *Primov and others v Russia*, где власти разогнали демонстрацию и задержали участников беспорядков, что было признано Судом правомерным, несмотря на жесткий ответ полиции. Суд согласился с доводами Правительства о том, что беспорядки и насильственные действия имели место после того, как полиция начала разбирать заграждения, препятствовавшие проезду

транспорта. Дело также интересно признанием нарушения статьи 11 Конвенции в части согласования проведения манифестации. Власти ссылались на нарушение сроков согласования митинга а также на отсутствие оснований для недовольства. Организаторы требовали проведения митинга в связи с коррупцией властей, на что администрация ответила отказом в связи с положительными результатами финансовой проверки и отсутствием нарушений. Власти продемонстрировали нежелание идти на диалог с недовольными гражданами и обсуждать проблемы местного самоуправления, тем самым спровоцировали несанкционированный митинг и массовые беспорядки. Этот урок, как оказалось, был усвоен властями, и в другой раз недовольство народа коррупцией властей в Абхазии привело к смене руководства, где все обошлось мирным путем без жертв, как это случилось в данном деле. В особом мнении я отметил важность диалога между властью и обществом и привел интересное мнение американских судей по этому вопросу, которые отметили, что именно свобода выражения своего мнения является основой конституционного строя страны. Эта позиция в корне отличается от позиции Конституционного Суда РФ, который относит к основам конституционного строя не демократические права, а структуру органов власти и федеративное единство государства (смотри, например, дело ЕСПЧ *Republican party v Russia*). Это принципиальное различие не отражает объективной действительности, в рамках которой устройство власти подчиняется одной цели защиты фундаментальных прав и свобод граждан. Непонимание этого объективного условия приводит к тому дисбалансу в политике и экономике, который можно наблюдать в современной России. Чем отчетливее граждане начинают понимать свои права и свое достоинство, тем труднее властям игнорировать это.

Особое место в ряду политических дел занимает дело *Taranenko v Russia*. В постановлении Суда можно найти всю практику по делам о выражении своего мнения через совершение действий. Так, группа национал-большевиков пробралась в общественную приемную администрации Президента, выбрасывая листовки с перечнем нарушения Конституции со стороны Президента и вывесив плакат политического содержания. Все они были осуждены за массовые беспорядки без учета обстоятельства, связанного со свободой выражения мнения, что весьма контрастирует с реальными массовыми беспорядками на Манежной площади или в Бирюлево Западное на этнической почве, которые были восприняты властями неадекватно толерантно. В данном деле напротив обвиняемых продержали под арестом около года и приговорили к трем годам

лишения свободы условно. Оценив наказание в совокупности с длительным безосновательным арестом, Суд признал нарушение. По данным событиям было много обращений (все они упомянуты в постановлении), но они касались нарушения права на свободу по статье 5 Конвенции. Заявительнице одной (благодаря упорству адвоката) удалось дойти до нарушения по статье 10 по политическим мотивам, несмотря на то, что заявительница отрицала свою причастность к данной политической группе, указывая на наличие лишь исследовательского интереса к проблеме политической оппозиции. То есть распространение листовок, чем она занималась, не являлось выражением ее мнения, что означало неприемлемость жалобы по личным мотивам (*ratione personae*), однако Суд рассмотрел жалобу по существу, указав на отсутствие требования о неприемлемости со стороны Правительства. Таким образом, Суд, по моему мнению, нарушил свое собственное правило, согласно которому неприемлемость по личным мотивам должно быть рассмотрено Судом независимо от наличия или отсутствия соответствующего требования со стороны Правительства. Однако я не стал писать об этом в особом мнении, так как посчитал это дело важным с точки зрения ошибочной оценки обстоятельств российским судом, который пару случайно сломанных стульев принял за массовые беспорядки (по этому поводу в особом мнении сделан краткий сравнительный анализ законодательства других стран), а также полностью проигнорировал обстоятельства, связанные с выражением мнения по политическим вопросам, имеющим важное общественное значение.

Хотел бы также отметить давно обижаемое постановление по делам о неисполнении судебных решений, касающихся неденежных обязательств государства выполняемых в натуре (пилотное постановление *Gerasimov and others v Russia*). Это постановление призвано устранить дефект Федерального закона Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. N 68-ФЗ "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок", принятый после постановления по делу *Burdov v Russia (no. 2)*, и распространенный исключительно на денежные обязательства государства. Теперь этот пробел восполнен и около 60 дел коммуницировано Правительству. Суд выждал еще четыре года для того, чтобы дать властям подготовиться, создать необходимые процедуры, связанные с выделением и контролем за использованием бюджетных средств на эти цели. Исполнение постановления потребует внесения изменений в закон, но Суд указал на наличие положительного мнения Конституционного Суда РФ по этому

вопросу и на законопроект Верховного Суда РФ, в котором уже содержались соответствующие положения. В целом Суд придерживался осторожного подхода и не стал предлагать конкретных мер, хотя и указал на недостатки действующей процедуры исполнения таких судебных решений. Вот небольшая цитата из параграфа 220 постановления:

"Структурные проблемы, установленные Судом в параграфах 213-215, без сомнения требуют принятия общих мер. Особое внимание необходимо уделить отсутствию полномочий у судебных приставов и других представителей власти обеспечить исполнение в таких делах и созданию необходимых правовых механизмов для этих целей. Однако учитывая комплекс вопросов правового, практического и политического характера, оценка конкретных мер находится вне пределов юрисдикции Суда. Суд не вправе советовать Правительству в таких сложных правовых, политических и бюджетных вопросах, касающихся особенностей организации национального исполнительного производства. Поэтому Суд воздерживается от указания на какие-то конкретные меры".

Надо отметить, что данный подход вызван не нежеланием Суда вдаваться в детали, а искренним уважением независимости и суверенитета Российской Федерации. Возможно, сам факт установления нарушения касается не столько Конвенции как таковой, как международного договора, имеющего преимущество перед национальным законодательством. Нет. Установление нарушения в данном случае не является ограничением суверенитета, поскольку затрагивает фундаментальное право на судебную защиту. Я предлагаю это учесть поборникам суверенитета, а также публичного порядка, учитывая, что общепризнанные принципы и фундаментальные права и свободы и составляют основу публичного порядка.

Суд также рассмотрел дела об ответственности государства по долгам государственных предприятий (*Liseytseva and Maslov v Russia; Samsonov v Russia*). Суд признал требования безосновательными в отношении федеральных предприятий и нашел нарушение Конвенции в отношении муниципальных предприятий, учитывая более жесткий контроль со стороны местных администраций и их социальное значение в обеспечении жизни муниципального образования. При этом подход Суда в принципе не отличаются от подходов российского гражданского законодательства и Федерального закона "О несостоятельности

(банкротстве)" о привлечении к ответственности контролирующего субъекта или руководителя юридического лица. Подход ЕСПЧ основан на институциональной и операционной независимости предприятия от государства. Этот подход основан на общих подходах и поэтому заслуживает особого внимания. Вот как этот подход описан в параграфе 187 постановления по делу *Liseytseva and Maslov*:

"Оценивая наличие институциональной и операционной независимости предприятия от государства, Суд принимает во внимание широкий перечень факторов, ни один из которых не может быть решающим сам по себе. К таким критериям относятся: правовой статус предприятия как юридического лица в соответствии с частным или публичным правом; природа деятельности (выполнение публично значимой функции или ведение обычной коммерческой деятельности); условия осуществления такой деятельности, такие как монополия или наличие многочисленных требований, регулирующих ведение бизнеса; институциональная независимость (пределы полномочий государства как собственника); операционная независимость (полномочия государства по надзору и контролю)".

В деле *Liseytseva and Maslov* заявители являлись работниками муниципального предприятия, которое было признано банкротом, не обладали правами конкурсных кредиторов, хотя являлись кредиторами первой очереди, не могли реализовать свои права через службу судебных приставов в силу особенностей процедуры банкротства (хотя Правительство настаивало на этом), обращались с иском в суды общей юрисдикции о привлечении государства к ответственности после завершения процедуры банкротства, их требования были рассмотрены, но в удовлетворении было отказано (хотя успешный опыт на первом круге рассмотрения дела был у Маслова). Суды были осведомлены о том, что активы предприятия были переданы администрацией как собственником в другое специально созданное предприятие, а должник объявлен банкротом, но признали эти действия законными, так как они не были оспорены в суде. Судьи не ведали об арбитражной практике и даже прямо указали в законе о том, что такая сделка является ничтожной. С такими историями неоднократно сталкивался Высший Арбитражный Суд, который в свое время выстроил практику в целях обеспечения гарантий защиты прав кредиторов. Сейчас наступает новый этап продолжения этой политики уже Верховным Судом РФ. В связи с этим Суд нашел нарушение

статьи 13 Конвенции, чем признал отсутствие эффективных мер правовой защиты на национальном уровне.

Обзор дел Большой Палаты

Не могу не использовать предоставленную мне возможность покритиковать и Большую Палату за ошибочные, на мой взгляд, подходы при решении деликатных проблем глобального характера.

В постановлении *Georgia v Russia (I)* Суд основал свои выводы о массовой высылке грузин на отчетах международных организаций, которые обвинили власти в создании конвейера с участием российских судей, которые якобы штамповали постановления о высылке без учета индивидуальных обстоятельств каждого человека (что является откровенным преувеличением и опровергается многочисленными примерами из судебной практики), без предоставления права на обжалование, так что судьи даже якобы отговаривали обжаловать судебные акты. Суд проигнорировал доказательства и статистику, представленную Правительством, что дало повод сомневаться в его беспристрастности и создало мнение о политической ангажированности. Высылка была признана нарушающей Конвенцию, несмотря на отсутствие права находиться на территории Российской Федерации и очевидных нарушениях со стороны лиц, подлежащих высылке.

В деле *Margus v Croatia* заявитель был обвинен в военных преступлениях против мирных граждан, но национальный суд, установив все ключевые факты (участие в боевых действиях в составе военного подразделения, факт совершения преступления) тем не менее применил закон об амнистии со ссылкой на вынужденность действий в сложной обстановке и прекратил производство. Однако амнистия не распространялась на военные преступления, что признал по прошествии 10 лет Верховный Суд Республики Хорватия. При новом рассмотрении дела заявитель был признан виновным и осужден. Заявитель, ссылаясь на статью 4 Протокола 7, просил Суд признать нарушение, так как был судим дважды – до и после амнистии. Суд не указал на то, что амнистия не применяется к данной статье (а только к тем, кто был осужден или оправдан), сославшись на важность защиты права на жизнь и неприкосновенности по статьям 2 и 3 Конвенции, признал не подлежащей применению статью 4 Протокола 7. При этом Суд не учел, что данная статья носит процессуальный характер и не зависит от других статей Конвенции, что

национальный суд в первоначальном решении установил все необходимые факты, но принял решение об амнистии, совершившее тем самым фундаментальную ошибку, которая является основанием для пересмотра дела. Суд имеет обширную практику по российским делам о неправомерности вступивших в законную силу судебных актов в порядке надзора, указывая именно на допустимость отмены исключительно в случае совершения ошибки, носящей фундаментальный характер. Но вот почему-то не решился применить свой собственный подход в отношении другой страны, что свидетельствует как минимум о двойных стандартах. Учитывая наличие фундаментальной ошибки в данном деле, оно могло быть решено по существу с выводом об отсутствии нарушения процессуальной нормы о недопустимости повторного разбирательства по тому же делу.

В деле *Fernandez Martinez v Spain* суд рассмотрел вопрос о праве католического священника на семейную жизнь, несмотря на требование о celibате, от которого он не был освобожден. Суд поставил на разные чаши весов право на семью и автономию церкви, что было делать недопустимо, так как автономия церкви не обусловлена защитой свободы вероисповедания, то есть не является фундаментальным правом. В результате Большая Палата разделилась почти пополам, отдав предпочтение автономии церкви. Среди обидных промахов Суда были и такие: автономия может быть ограничена (лишь) наличием судебного контроля; члены религиозной организации должны быть лояльны церкви, то есть подчиняться ее правилам (хотя под лояльность имеет совершенно иной смысл - действовать в интересах организации, чему семейная жизнь мало противоречит); суд не обратил внимание на то, что заявитель подал прошение Папе Римскому об освобождении от celibата, и его прошение было рассмотрено через 20 лет только после того, как его семейный статус случайно стал достоянием общественности; Суд негативно отозвался об оппозиции заявителя к официальному мнению церкви по основным проблемам, по которым ведется общественная дискуссия (аборты, разводы), указав на то, что иное мнение допустимо лишь вне стен организации, тем самым умалив свободу выражения мнения в рамках религиозной организации. О таком решении остается только сожалеть.

И, наконец, трагическое дело *Hassan v the United Kingdom*. Трагичность его заключается во многих обстоятельствах: участие государства в военных действиях против другого государства, другими словами, оккупация Ирака; это позорная страница в истории, что осознал Британский

Парламент и впоследствии отказался вводить войска и применять военную силу против Сирии; арест брата заявителя британскими военными произошел дома, где он заявил, что он боится выходить из дома, боится за свою жизнь и хранит при себе оружие для самозащиты; арестованный был отправлен на военную базу за 800 километров от дома, а через неделю (со слов Правительства) с него были сняты все обвинения и он был отпущен на свободу, просто доведен до ближайшей автобусной остановки; до дома он не добрался и был найден где-то на полпути от дома убитый несколькими выстрелами в грудь; было очевидно, что его расстреляли. Зная о многочисленных свидетельствах о пытках иракских заключенных оккупационными войсками, Суд не принял во внимание фактические обстоятельства и после очень краткого анализа пришел к выводу о неприменимости статьи 2 в данном деле, хотя в более безопасных делах любит применять свою позицию о нарушении позитивных обязательств. Несомненно в данном деле с учетом нестабильной обстановки в стране, военной оккупации, обязанности оккупирующей страны поддерживать порядок и безопасность по международному праву, британские военные были обязаны доставить его домой в целости и сохранности.

Однако, несмотря на все недостатки, Суд можно поздравить и с некоторыми достижениями в части понимания фундаментальных общечеловеческих ценностей. В этом смысле необходимо отметить постановление Большой Палаты о клетках в зале судебных заседаний (*Svinarenko and Slyadnev v Russia*), которым Суд прижал символическое значение, указав на то, что содержание подсудимого в такой клетке унижает его человеческое достоинство и не может быть использовано даже в качестве крайней меры с точки зрения обеспечения безопасности в зале суда. Вот ключевая идея этого постановления (п. 138):

«Независимо от конкретных обстоятельств данного дела, Суд повторяет, что сама суть Конвенции заключается в уважении человеческого достоинства и что объектом и целью Конвенции в качестве инструмента для защиты каждого человека является толкование и применение ее положений таким образом, чтобы ее гарантии были реальными и эффективными. Поэтому Суд считает, что помещение человека в железную клетку в ходе судебного разбирательства само по себе - принимая во внимание объективно унижающий характер такого действия, которое несовместимо с нормами цивилизованного поведения, поскольку только такое

поведение является отличительной чертой демократического общества – такое помещение человека в железную клетку оскорбляет человеческое достоинство в нарушение статьи 3».

Следующее постановление, на которое следует обратить внимание, принято по делу *S.A.S. v. France*. Оно касается оценки французского закона о запрете ношения одежды, которая закрывает полностью лицо человека. Жалоба была основана на предполагаемом нарушении права на личную жизнь и свободу вероисповедания в связи с мусульманскими требованиями к женщинам о ношении хиджаба. Все же требуется уточнение: запрет касается любого полного закрытия лица в общественных местах. Это важно, поскольку Коран толкуется по-разному в отношении того, требуется ли согласно шариату полностью закрывать лицо или лишь покрывать голову. Тем не менее, дело носило явный религиозный и даже цивилизационный характер, что не осталось без внимания Суда. В постановлении можно найти множество материалов, касающихся обсуждения этой проблемы в Европе и других странах и региональных международных организациях, где на официальном уровне затрагиваются и обсуждаются вопросы защиты прав и достоинства женщин (хотя в этом деле именно женщина была заявительницей, религиозного разнообразия, воспитания взаимного уважения и развитие механизмов посредничества при улаживании социальных конфликтов. Приведенные материалы демонстрируют всю сложность данной темы, хотя и предоставляют Суду богатый материал для анализа и аргументации. Однако суд не нашел нарушений в этом деле и сделал это хотя и на основе ценностных ориентиров, сузив их до символического значения открытого лица как средства выражения личности, средства коммуникации и взаимодействия между членами общества в соответствии и с требованиями совместного проживания, проявления толерантности и широты мышления, без чего невозможно существование демократического государства и реализация идей братства, свойственных французскому обществу (п.п. 141, 153). Использование этой «ценностной» аргументации можно назвать прогрессом по сравнению с *Lautsi v. Italy*. Хотя рассуждения о ценностях Суд сделал не от своего имени, а от имени Французской Республики, отдавая должное принципу субсидиарности, что, по моему мнению, оказывается неуместным в тех случаях, когда применимые ценности (открытое лицо) являются действительно объективными и не подлежащими сомнению.

И, наконец, простое, но не менее значимое дело для нашей страны - *Rohlena v. The Czech Republic*. Оно касается проблем длящегося преступления и домашнего насилия. Дело дошло до Большой Палаты в связи со значимостью этих проблем для стран-членов Совета Европы, что не могло остаться без внимания Суда. Если понятие длящегося преступления не является новым для российского правапорядка (хотя и прямо не содержится в Уголовном Кодексе РФ), то домашнее насилие как отдельный состав преступления не может никак найти свое место в уголовном праве, несмотря на многочисленные попытки именно по причине отсутствия политической воли и желания решать эту проблему, которая является широко распространенной и отражает состояние российского общества, страдающее от деградации личности и деградации семейных связей. Это постановление – сигнал российскому законодателю о том, что эту проблему нельзя игнорировать. Именно бездействие законодателя в таких важных для общества вопросах, а не экономические санкции, могут привести к изоляции России от остальной Европы, которая носит не экономический, а цивилизационный характер.